

КОНЕЦЪ-ГОРБУНОКЪ.

РУССКАЯ СКАЗКА.

ВЪ III ЧАСТЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Х. ГИЦЦЪ.

1834.

КОНЕЦЪ-ГОРБУНОКЪ.

РУССКАЯ СКАЗКА.

Сочиненіе П. Ершова.

ВЪ ТРИ ЧАСТЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Х. ГИИЦЕ.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ пѣмъ, чшобы, по напечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, Іюня 4 дня 1854 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ.

Ч А С Т Ъ I .

«Начинается сказка сказываться...»

КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ,

РУССКАЯ СКАЗКА.

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Не на небѣ, — на землѣ,
Жилъ шарикъ въ одномъ селѣ.
У крестьянина три сына:
Спаршій умный былъ дѣшина,
Средній сыпъ и шакъ и сякъ,
Младшій вовсе былъ дуракъ.
Братья сѣяли пшеницу,
Да возили подѣ сшоллицу:
Знашь сшоллица та была
Не далеко отъ села.
Тамъ пшеницу продавали,

Деньги счешомъ принимали,
И, съ шелъгою пусшой,
Возвращались домой.

Въ долгомъ времени, аль вскорѣ,
Приключилося имъ горе:
Кшо-шо въ поле спалъ ходишь,
И пшеицу ихъ косишь.
Мужички шакой печали
Ошъ рожденья не видали.
Спѣли думашь да гадашъ —
Какъ бы вора имъ поймашъ,
И рѣшили вснародно:
Съ ночи шой поочерѣдно
Полосу свою беречь,
Злаго вора подстеречь.

Только стало лишь смеркаться, —
Началъ старшій братъ сбираться,
Взялъ п виды и шопоръ,
И опправился въ дозоръ.
Ночь ненастная настала;

На него боязнь напала,

И со страху нашъ мужикъ

Завалелся на сѣнникъ.

Ночь проходишь; день приходишь.

Съ сѣнника дозорный сходишь,

И обшедь избу кругомъ,

У дверей спучишь кольцомъ.

«Эй! вы, сонныя шешери!

«Отпирайше брашу двери;

«Подъ дождемъ я весь промокъ

«Съ головы до самыхъ ногъ.»

Брашья двери отворили,

Караульнаго впустили,

Снаши спрашивашь его,

Не видалъ ли онъ чего.

Караульный помоллся,

Вправо, влево поклонился,

И прокашлявшись, сказалъ:

«Цѣлу почешьку не спалъ;

«На мое жь приномъ несчасье,

«Было страшное несасье,

«Дождь вошь шакъ ливня и лиль;

«Подъ дождемъ я все ходилъ ;

«Правда, было мнѣ и скучно,

«Впрочемъ все благополучно.»

Похвалилъ его отецъ :

«Ты, Данило, молодецъ !

«Ты вошь шакъ сказашь примѣрно,

«Сослужилъ мнѣ службу вѣрно,

«То ешь будучи при томъ,

«Не ударилъ въ грязь лицомъ.»

Снова начало смеркаться,

Средній сынъ пошелъ сбѣрашья,

Взялъ и вилы и топоръ,

И отправился въ дозоръ.

Ночь холодная настала,

На него шоска пала,

Зубы начали плясать,

Онъ — ударился бѣжашья,

И всю ночь ходилъ дозоромъ

У сосѣдки предъ заборомъ.

Только начало свѣшашья,

У дверей онъ сталъ спучашья.

«Эй! вы, сонн! что вы спите?

«Брашу двери ошоприте;

«Ночью спрашний былъ морозъ,

«До кошей я весь промёрзъ.»

Брашья двери ошворили,

Караульнаго впустили,

Стали спрашивать его,

Не видалъ ли онъ чего.

Караульный помоллся,

Вправо, влево поклонился,

И сквозь зубы отвѣчалъ:

«Всю я почешьку не спалъ.

»Да къ моей судьбѣ несчастной,

«Ночью холодъ былъ ужасной,

«До кошей меня пробралъ;

«Цѣлу ночь я проскакалъ,

«Слишкомъ было несподручно.

«Впрочемъ все благополучно.»

И ему сказалъ ошець:

«Ты, Гаврило, молодець!»

Снало въ претій разъ смеркашья,

Надо младшему сбираться ;
Онъ и усомъ не ведешь ,
На печи въ углу поешь
Изо всей дурацкой мочи :
«Расприкрасныя вы очи.»
Брашья ну его ругашь ,
Спали въ поле посылашь ;
Но сколь долго ни кричали,
Только время пошеряли :
Онъ ни съ мѣста. Наконецъ
Подошелъ къ нему ошець,
Говоришь ему : «Послушай ,
«Ты поди въ дозоръ , Ванюша ,
«Я нашью тебѣ обновъ ,
«Дамъ гороху и бобовъ.»
Вошь дуракъ съ печи слѣзаетъ ,
Шапку на-бокъ надѣваетъ ,
Хлѣбъ за пазуху кладетъ ,
И шапаяся идетъ.

Ночь настала ; мѣсяцъ всходитъ ;
Поле все дуракъ обходитъ ,

Озираючись кругомъ,
И сядиша подъ кустомъ,
Звѣзды на небѣ считаешь,
Да краюшку убираешь.
Вдругъ на полѣ конь заржалъ
Караульный нашъ привсталъ,
Посмотрѣлъ сквозь рукавицу,
И увидѣлъ кобылицу.
Кобылица та была
Вся какъ зимній снѣгъ бѣла,
Грива точно золотая,
Въ мелки кольца завешая.
«Эхе-хе! такъ вошь какой
«Нашъ ворничко, по пощой,
«Я шунинь вѣдь не умѣю,
«Разомъ едду те на шею.
«Внись, какал саранча!»
И минушу улуча,
Къ кобылицѣ подбѣгаешь,
За волнистый хвостъ хващаешь,
И сядиша на хребенъ —
Только задомъ напередъ.

Кобылица молодая,
Задомъ, передомъ брыкая,
Понеслася по полямъ,
По горамъ и по лѣсамъ;
То заскачешъ, то забьешся,
То вдругъ крушо повернешся;
Но дуракъ и самъ не проситъ,
Крѣпко держишся за хвостъ.

Наконецъ она усшала.

«Ну, дуракъ, (ему сказала)
«Коль умѣлъ ты усидѣшь,
«Такъ шебъ мной и владѣшь.
«Ты возьми меня съ собою,
«Да ухаживай за мной,
«Сколько можешъ. Да смощри,
«По щри ушрени зарри
«Ошпускай меня на волю,
«Погуляшъ по чисту полю.
«Не просшымъ корми овсомъ, —
«Бѣлояровымъ пшеномъ;
«Не озерной пой водою,

«Но медовою сышою.

«По исходѣ же трехъ дней,

«Двухъ рожу тебѣ коней,

«Да такихъ, какихъ на свѣшѣ

«Не бывало и въ примѣшѣ ;

«Еще прешьяго конька ,

«Роспомѣ шолько въ при вершка,

«На спишѣ съ двумя горбами,

«Да съ аршинными ушами.

«Первыхъ ты копей продай,

«Но конька не отдавай,

«Ни за яхонтъ, ни за злато,

«Ни за царскую палашу.

«Да смотри же не забудь :

«Только кони подростушъ ,

«Не держи меня въ неволѣ

«А пусти на чистое поле.»

Ладно, думаетъ Иванъ,

И въ наступшій балаганъ

Кобылицу загоняетъ,

Дверь рогожей закрываетъ,

И лишъ только разсвѣло,

Ошправляешя въ село,

Надѣвая громко пѣсеню :

«Ходилъ молодець на Прѣсеню.»

Вошъ онъ всходитъ на крыльцо,

Вошъ берешя за кольцо ;

Что естъ силы въ дверь спучишя,

Такъ что кровля шевелишя,

И кричишь на весь базаръ,

Словно сдѣлался пожаръ.

Брашья съ лавокъ поскакали,

Зайкаяся, вскричали :

«Кшо спучишя сильно шакъ?»

— «Эшо я! Иванъ дуракъ!» —

Брашья двери ошворили,

Караульнаго впусшили,

И давай его ругашъ, —

Какъ онъ смѣешъ шакъ спучашъ.

А дуракъ нашъ, не снимая

Ни лапшей, ни малахая,

Ошправляешя на печь,

И ведешъ опшуда рѣчь

Про почное похождение,

Сшарику на удивленье.

«Цѣлу поченьку не спаль,

«Звѣзды на-небѣ счишаль;

«Мѣсяць ровно также свѣшилъ,

«Я порядкомъ не примѣшилъ.

«Вдругъ приходишь дьяволъ самъ,

«Съ бородою и съ усамъ;

«Рожа словно какъ у кошки,

«А глаза — такъ что те ложки.

«Огъ пшеницей сшаль ходишь,

«И давай хвостомъ косишь.

«И шутишь вѣдь не умью,

«И векоци ему на шею;

«Ужъ послъ же онъ, послъ,

«Такъ что выбился изъ силъ;

«Въ воровствѣ своемъ признался,

«И пшеницу вѣшь заклался.»

Тупъ разскащикъ замолчалъ,

Шозѣвнулъ и задремалъ.

Брашья, сколько ни сердчали,

Не смогли, захохотали,
Подпершия подъ бока,
Надъ разсказомъ дурака.
Самъ ошець не могъ едержаться,
Чшобъ до слезъ не посмѣяться;
Хошь смѣяшься, такъ оно
Сшарикамъ ужъ и грѣшно.

Вошь однажды брагъ Данило,
(Въ праздникъ, помнишься, шо было)
Возвращившись съ свадьбы пьянъ,
Зашащился въ балаганъ.
Тамъ увидѣлъ онъ красныхъ
Двухъ копей золошогривыхъ,
Еще трешьяго конька,
Росшомъ только въ при вершка,
На спинѣ съ двумя горбами
Да съ аршинными ушами.
«Хе! шеперь-шо я узналъ,
«Для чего здѣсь дурень спалъ,
(Говоришь себѣ Данило)
«Дай скажу о томъ Гаврилъ.»

Вошь Данило въ домъ бѣжишь

И Гаврилъ говоришь :

«Посмотри, какихъ красивыхъ,

«Двухъ коней золошогривыхъ

«Нашъ дуракъ себѣ доспалъ,

«Ты такихъ и не видалъ.»

И Данило да Гаврило,

Чшо въ ногахъ ихъ мочи было,

Черезъ кочки, чрезъ бурьянъ,

Побѣжали въ балаганъ.

Кони ржали и храпѣли;

Очи лхоншомъ горѣли;

Въ мелки кольца завишой,

Хвостъ раскинушь золошой,

И алмазныя копышы

Крупнымъ жемчугомъ обишы.

Любо-дорого смотришь!

Лишь Царю-бѣ на нихъ сидѣшь!

Брашья такъ на нихъ смотрѣли,

Чшо чують глазъ не проглядѣли.

«Гдѣ онъ это ихъ досталъ?
(Старшій младшему сказалъ)
«Но издавна рѣчь ведешся,
«Что все глупымъ удастся;
«Будь преумная душа,
«Не добудешь и гроша.
«Ну, Гаврило! въ эту седмицу
«Ошведемъ-ка ихъ въ столицу,
«Тамъ Болрамъ продадимъ,
«Деньги вмѣстѣ раздѣлимъ;
«А съ денжонками, самъ знаешь,
«И попьешь и погуляешь,
«Сшопшь хлопнушь по мѣшку.
«А Ивану — дураку
«Не достанешь вѣдь догадки,
«Гдѣ госпяшь его лошадки;
«Пусть ихъ ищешь шамъ и сямъ.
«Ну, Гаврило, по рукамъ!»
Братья разомъ согласились,
Обнялись, перекрестились,
И вернулись домой,
Говоря промежъ собой

Про коней, и про пирушку,
И про чудную свиньюшку.

Время кашнишь чередомъ
Часть за часомъ, день за днемъ ;
И чрезъ первую седмицу
Братья ѣхали въ сшоллицу,
Чтобъ шоваръ свой шамъ продашь,
И на приспангъ узнать :
Не пришли ли съ кораблями
Измцы въ городъ за холшамн,
И пейдешъ ли Царъ Салшанъ,
Бусурманшъ Христіанъ ?
Вотъ Иконъ помолились,
У опца благословились,
Взяли двухъ коней шайкомъ
И оширавились пошомъ ;
Удалаго погоняютъ,
Да о деньгахъ разсуждаютъ.

Вдругъ дуракъ — часовъ чрезъ пять —
Вздумалъ въ полѣ почевашъ.

Дураку ли мѣшкашь? Дѣло
У него въ рукахъ кишѣло;
Онъ околицей идетъ,
Ѣшь краюшку да поешь.
Вошь рогожу поднимаетъ,
Руки въ боки подпираетъ,
И съ прискочкою Иванъ
Бокомъ входишь въ балаганъ.

Все по прежнему шюяло,
Двухъ коней какъ не бывало,
Лишь бѣднѣжка Горбунокъ
У его вертѣлся ногъ,
Хлопалъ съ радости ушами
И приплясывалъ ногами.
Какъ завосишь шуть Иванъ,
Опершись о балаганъ:
«Ой, вы, кони буры-сивы,
«Мои кони златогривы!
«Я кормиль-шо васъ, ласкаль,
«Да какой васъ чоршъ укралъ?
«Чшобъ пропасть ему — собакъ!

«Чтобъ издохнушь въ бояракъ!

«Чтобъ ему на шомъ свѣшу

«Провалишься на мосшу!

«Ой, вы, кони буры-сивы,

«Мои кони златогривы!»

Тупъ конекъ его прервалъ :

«Не шужи Иванъ! (сказалъ)

«Велика бѣда, — не спорю ;

«Но могу помочь я горю.

«Ты на чорта не клепли,

«Брашья коней увели,

«Какъ поѣхали изъ дому.

«Но что мѣшкашь по пустому,

«На меня скорѣй садись,

«Только знай себѣ, держись.

«Я хошь роста не большаго,

«Но смѣню коня другаго ;

«Какъ пушусь да побѣгу,

«Такъ и бѣса наспигу.»

Тупъ конекъ предъ нимъ ложился

На него дуракъ сядишея,
Крѣпко за уши беретъ.
Горбунокъ-копекъ всшашъ,
Черной гривкой попрясашъ,
На дорогу выѣзжаешъ;
Вдругъ заржалъ и захрапѣлъ,
И стрѣлою полетѣлъ,
Только черными клубами
Пыль вершѣлась подъ ногами.
И чрезъ нѣсколько часовъ
Нашъ Иванъ догналъ воровъ.

Братъ, видишь ли, смѣшались,
Не на шушку испугались;
А дуракъ имъ спалъ кричалъ:
«Спѣшно, братъ, воровашъ!
«Хоть Ивана вы умѣе,
«Да Иванъ-то васъ чешетъ;
«Опъ у васъ коней не красть.»
Старшій братъ тогда сказалъ:
«Дорогой нашъ братъ, Ванюша!
«Не клади намъ грѣхъ на души.

«Мы, ты знаешь, какъ бѣдны,
«А оброкъ давать должны.
«Вотъ въ такой большой печали,
«Мы съ Гавриломъ полковали
«Всю сегодняшнюю ночь —
«Чѣмъ бы горюшку помочь?
«Такъ и эдакъ мы судили,
«Наконецъ вотъ такъ рѣшили:
«Чтобъ продать пивохъ коней
«Хотъ за тысячу рублей.
«Нашъ отецъ-сшарикъ неможешъ,
«Рабошашъ уже не можешъ,
«Надо намъ его кормишь —
«Самъ ты можешъ разсудишь.»

«Ну, коль эдакъ, такъ спущайте,
«(Говоритъ Иванъ) продайте
«Злапогриваго коня;
«Да возмите жъ и меня.»
Оба брата согласилась,
И всѣ вмѣстѣ въ путь пустились.

Сшало на небѣ темнѣшь ;
Воздухъ пачаль холодѣшь.
Брашья, чшобѣ не заблудишься,
Вздумали ошаповишься.
Подѣ навѣсами вѣшвсей
Привязали лошадей,
Взяли хлѣба изъ лукошка,
Опохмѣлились пемножко,
И пошомѣ, кшо какѣ умѣдѣ,
Пѣсни разныя загѣдѣ.

Вошѣ Данило вдругѣ примѣшилѣ :
Огонекѣ во шмѣ засвѣшилѣ.
На Гаврила онѣ взглянулѣ,
Лѣвымѣ глазомѣ подмигнулѣ,
И прикашлянулѣ легонько,
Показавѣ огонь тихонько.
Тушѣ запылокѣ почесалѣ,
И съ лукавствомѣ шакѣ сказалѣ,
Усмѣхаяся : « Послушай,
« Принеси огня, Ванюша !
« Ночь темна, а у меня

«Ни огнива, ни кремня.»

Самъ же думаетъ Данило :

«Чтобъ шебя шамъ задавило!»

А Гаврило говоритъ

Тихо брашу : «Можетъ бышь ,

«Тамъ сшаничники приспали —

«Поминай его какъ звали.»

Все пушлякъ для дурака!

Онъ садится на кошку

И схвативъ его руками,

Бьетъ въ крушы бока ногами,

Изо всѣхъ горлашитъ силу

Конь взвился и слѣдъ проспылъ.

«Буди съ нами крѣсна сила!»

Закричалъ тогда Гаврило,

Осыпая крестомъ святымъ ;

«Что за бѣсъ-копекъ подъ нимъ?»

Огонекъ горитъ свѣшлѣе,

Горбунокъ бѣжитъ скорѣе,

И чрезъ несколько минушъ

При огнѣ конекъ — какъ шумѣ.
Тошѣ огонь въ лугу свѣшлѣешъ, —
Не дымишся и не грѣешъ.
Диву дался шумѣ Иванъ.
«Что (сказалъ огнѣ) за Шайшанъ?
«Много блеску, много свѣшу,
«А щепла и дыма нѣшу.
«Эко чудо-огонекъ!»

Тумѣ сказалъ ему конекъ:
«То перо, Иванъ, жарь-щипцы
«Изъ чершоговъ Царь-Дѣвицы.
«По для счастья своего
«Не бери себѣ его.
«Много, много непокою
Трипесешъ оно съ собою.»
- «Говори ты! какъ не такъ!»

Про себя ворчашъ дуракъ;
И подпавъ перо жарь-щипцы,
Завернулъ его въ тряпицы,
Въ шапку мигомъ положилъ
И конька поворошилъ.

Скоро къ братьямъ прѣзжаетъ
И на спросъ ихъ отвѣчаетъ :
«Какъ шуда я доскакалъ,
«Нень сгорѣлый увидалъ ;
«Ужъ надъ нимъ я бился, бился,
«Такъ что чуть не насадился ;
«Раздувалъ его я съ часъ,
«Нѣшь, вѣдь, чоршъ возьми ! угасъ.»
Братья цѣлу ночь не спали,
Надъ Иваномъ хохотали :
А дуракъ подъ возъ присѣлъ,
Вплоть до утра прохрапѣлъ.

Гушь коней они впрятали,
И въ столицу прѣзжали,
Становились въ конный рядъ,
Супрошивъ большихъ налани.

Въ той столицѣ былъ обычай,
Коль не скажешь городничій, —
Ничего не покунашь,
Ничего не продавашь.

Вошь вороша опворяють,
Городничій выѣзжаетъ,
Въ шуфляхъ, въ шапкѣ мѣховой,
Съ сошкой спражи городской.
Рядомъ ѣдетъ съ нимъ брадашый,
Называемый глашалый;
Онъ въ злашу трубу прубишь,
Громкимъ голосомъ кричишь:
«Госши! лавки опворяйте,
«Покупайте, продавайте;
«Надзирашелямъ сидѣть
«Подлѣ лавокъ, и смотрѣшь,
«Чшобы не было содому,
«Ни смяшенья, ни погрому,
«И чшобы купецкой родъ
«Не обманывалъ пародъ!»
Госши лавки опворяють,
Покупальщиковъ сзываютъ:
«Эй! чесные господа!
«Къ памъ пожалуйте сюда!
«Какъ у насъ ли тары-бары,
«Всяки разные повары.»

Въ это время шопъ отрядъ
Прѣзжаетъ въ конный рядъ;
Но ошъ множества народу
Нѣтъ ни выходу, ни входу;
Такъ кишмя вошь и кишашъ,
И смѣются и кричашъ.
Городничій удивился —
Что народъ развеселился,
И приказъ отряду далъ,
Чтобъ дорогу прочищаль.
«Эй! вы, черни босоноги!
«Прочь съ дороги! прочь съ дороги!»
Закричали усачи,
И ударили въ бичи.
Тутъ народъ зашевелился,
Шапки снялъ и разстунился.

Предъ глазами конный рядъ :
Два коня въ ряду сполшъ,
Молодые, вороные,
Вьющая гривы золошья,
Въ мелки кольца завешой,

Хвостъ раскинушь золошой

Городничій раздивился

И два разъ перекрестился.

«Чудень (молвиль) Божій свѣшь !

«Ужъ какихъ чудесъ въ немъ нѣшь.»

Весь опрядъ шупъ усмѣхнулся,

Самъ глашатаый зацкнулся.

Городничій между шѣмъ

Наказаль пресшрого всѣмъ,

Чшобъ коней не покупали,

Не зѣвали, не кричали,

Чшо онъ ѣдешъ ко Двору —

Доложишь объ томъ Царю.

И оставивъ часть опряда,

Онъ поѣхаль для доклада.

Пріѣзжаетъ во дворець.

«Ты помилуй, Царь-ошецъ!»

Городничій восклицаетъ,

И предъ шропомъ упадаетъ :

«Не вели меня казнишь,

«А вели мнѣ говоришь.»

Царь изволилъ молвить : — «Ладно,
«Говори, да шолько складно.» —
«Какъ умѣю разскажу.
«Городничимъ я служу :
«Вѣрой, правдой отпращиваю
«Эту должность...» — «Знаю, знаю.» —
«Вошь сегодня, взявъ ошрядъ,
«Я поѣхалъ въ конный рядъ :
«Подъѣзжаю — шма пароду!
«Нишъ ни выходу, ни входу.
«Я ошряду приказалъ,
«Чтобъ народъ онъ разогналъ.
«Такъ и ешалось, Царь-Надѣжа!
«И поѣхалъ я — и что же?
«Предо мною конный рядъ :
«Два коня въ ряду ешоятъ,
«Молодые, вороные,
«Вьющиеся гривы золотыя,
«Въ мелки кольца завишой,
«Золотенный хвостъ трубой,
«И алмазныя копыты
«Крупнымъ жемчугомъ обшны...»

Царь не могъ шунть упергъшь.
«Надо коней посмотръшь,
«(Говорилъ онъ) да не худо
«И завесшь такос чудо.»

Колесницу запрягли,
И ко входу подвезли.
Царь умылся, пардился,
И на рынокъ покашлся;
За Царемъ спрѣльцовъ ошрядъ.

Вошъ онъ въѣхалъ въ конный рядъ.
На колѣни всѣ шунть пали
И ура Царю кричали.
Царь раскланялся, и вмигъ
Съ колесницы къ конямъ прыгъ
Вкругъ коней онъ ходишь, хвалишь,
То пошрепнешъ, шо погладишь;
И довольно наемошрясь,
Онъ спросилъ, оборошлясь
Къ окружающимъ : «Эй, ребяша!
«Чьи шакіе жеребаша?»

«Кто хозинъ?» Тупъ дуракъ,
Спрявавъ руки за армякъ,
Изъ-за брашьева выступаешъ
И надувшись отвѣчаешъ:
«Эта пара, Царь, моя,
«И хозинъ тоже — я!»
— «Ну, я пару покупаю;
«Продаешъ ты?» — «Нѣтъ, мѣняю.»
— «Что въ промѣнъ берешъ добра?» —
«Два-пяшь шапокъ серебра.»
— «То ешь, это будешъ десять.» —
Царь шошчасъ велѣлъ отвѣсншъ,
И, по милости своей,
Даль въ прибавокъ пяшь рублей.
Царь шо былъ великодушный!

Повели коней въ конюшни
Десять конюховъ съдыхъ,
Всѣ въ нашивкахъ золотыхъ.
Всѣ съ цвѣтными кушаками
И съ сафьянными бичами.
По дорогой, какъ на смѣхъ,

Кони съ ногъ ихъ сбили всѣхъ,
Всѣ уздечки разорвали,
И къ Ивану прибѣжали.

Царь опсправился назадъ,
И сказалъ ему: «Ну, брашъ,
«Цара нашимъ не даешся;
«Дѣлашь нечего, прійдешия
«При дворцѣ тебѣ служишь.
«Будеши въ золошѣ ходишь,
«Въ красно плашь парякашься,
«Словно въ маслѣ сырѣ кашаешься,
«Всю конюшенну мою
«Я во власнь тебѣ даю:
«Царско слово въ шомѣ порука.
«Чшо согласенъ?» — «Эка штука!
«Во дворцѣ я буду жишь,
«Буду въ золошѣ ходишь,
«Въ красно плашь парякашься,
«Словно въ маслѣ сырѣ кашаешься,
«Весь конюшенный заводъ,
«Царь миѣ даромъ ошдаешъ;

«То естъ я изъ огорода
«Спану царской воевода.
«Чудно дѣло! Такъ и бышь,
«Спану, Царь, шебъ служишь.

.....
.....
.....

Тутъ подклиннуль опъ коней,
И пошелъ вдоль по столицѣ,
Велѣдъ за царской колесницей.
И подъ пѣсню дурака,
Кони пляшутъ шрепака
А конскъ его — горбашко
Такъ и ломился въ присядку
Къ удивленью людямъ всеѣмъ.

Два же брата между тѣмъ
Деньги царски получили,
Въ шапку накрѣпко зашили,
И отправили гонца,
Чтобъ обрадовать отца.

Дема дружно подѣлились,
Оба въ разъ они жѣнились,
Спали жишь да поживашь,
Да Ивана поминашь.

Но шеперь мы ихъ оставимъ,
Снова сказкой позабавимъ
Православныхъ Христіанъ,
Что падѣлалъ нашъ Иванъ,
Находясь во службѣ царской,
При конюшнѣ государской,
Со своимъ лихимъ конькомъ —
Неизмѣннымъ горбункомъ:
Какъ поймалъ Иванъ жаръ-пщиду,
Какъ похищилъ Царь-дѣвщцу,
Какъ кольцо ея досталъ,
Какъ онъ въ небѣ погулялъ,
Какъ онъ въ солнцевомъ селенѣ
Кишу выпросилъ прощенье,
Какъ по милосердью своей,
Спасъ онъ прищаль кораблей,
Какъ въ кошлахъ онъ не сварился,

Какъ красавцемъ учинился,
Словомъ : наша рѣчь о томъ —
Какъ онъ сдѣлался Царемъ.

Конецъ 1-й части.

КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ.

Ч А С Т Ъ І І.

’

«Скоро сказка сказывается ;
«А не скоро дело делается.»

Зачинается рассказъ
Ошъ Ивановыхъ проказъ,
И ошъ сивка, и ошъ бурка,
И ошъ вѣщаго коурка.
Козы на-море ушли;
Конь поднялся ошъ земля;
Подъ ногами лѣсъ стоячій,
Облака надъ нимъ ходячи, —
Это присказка: пожди, —
Сказка будешь впереди.
Какъ на морѣ-Окіягъ,
И на островѣ Буягъ,
Новый гробъ въ лѣсу стоишь;
Въ гробъ дѣвица лежишь;
Соловей надъ гробомъ свищелъ;

Черный звѣрь въ дубравѣ ричешъ, —
Эшо приказка: а вошъ —
Сказка чѣредомъ пойдешъ.

Ну, такъ видише ль міряне,
Православны Хрисшіяне,
Нашъ удалый молодець
Зашесался во дворець;
При конюшнѣ царской служишь,
И нисколько не пошужишь.
Онъ о брашьяхъ, объ ошцѣ,
Въ Государевомъ Дворцѣ.
Да и что ему до брашьевъ?
У Ивана разныхъ плашьевъ
Красныхъ, съ вышивкой, цвѣшовъ
Чушь не десяшь коробовъ;
Бсшъ онъ сладко, спишъ онъ шолько,
Что раздолье, да и шолько!

Вошъ недѣлей черезъ пяшь,
Началъ Спальникъ примѣчашъ
Надо молвишь: эшопъ Спальникъ,

До Ивана былъ начальникъ
Надъ конюшней надо всей;
Изъ Болрескихъ былъ дѣшей;
На Ивана онъ косился,
И крешомъ святымъ божился,
Что Ивана молодеца
Попуришь онъ изъ Дворца.
Но лукавство сокрывая,
Огъ для всякаго случая
Пришворился, плушь, глухимъ,
Близорукимъ и пѣмымъ;
Самъ же думасшь: постой-ка,
Я ще брякну; неумойка!
Такъ педѣлей черезъ пашь,
Спальникъ началъ примѣчашь,
Что Иванъ коней не холишь,
И не числишь, и не школишь;
Но при всемъ шомъ два копя
Словно лашь изъ подъ требя:
И причесаши, обмыши,
Гривы въ косы перевиши,
Челки собрани въ пучокъ,

Шершень-ну, доснился какъ шелкъ;

Въ сшойлахъ — свѣжая шеница

Словно шупъ же и родишся,

И въ чану большомъ сыща —

Будшо только налиша.

«Что за прищча шупъ такая?

(Спальникъ думаетъ, вздыхал):

«Ужъ не ходишь ли, посшой,

«Къ намъ проказникъ домовой?

«Дай-ка я подкараулю,

«И подь носъ такую дулю

«Поднесу я дураку,

«Что хошь шупъ же и въ рѣку.

«Докажу я въ Думъ царской,

«Что конюшій государской

«Бесурманецъ, ворожей,

«Чернокнижникъ, и злодѣй!»

Въ шопъ же вечеръ эшопъ Спальникъ,

Прежшій конюшихъ начальникъ,

Въ стойлы спряшался тайкомъ

И обышался овсомъ.

Полночь темная приходишь,
Нашъ Иванъ въ конюшню входишь,
Безъ свѣчи, безъ фонаря,
Разсѣвая про царя.
Дверь задвижкой запираешь,
Шапку красную скидаешь,
На окно ее кладешь,
И изъ шапки той берешь,
Въ при завинное прящицы,
Изъ крыла перо Жаръ-птицы.
Свѣшь такой шумъ заблещалъ
Что чухъ Спальникъ не вскричалъ,
И ошъ страху шакъ забился,
Что овестъ съ него свалился.
По Ивану не въ домъкъ;
Ошъ кладешь перо въ сусѣкъ,
Чешешь коней начинаешь,
Умываешь, убираешь,
Гривы длинные плещешь,
Разны шбеечки поешь.
Дашъ убрашь, — перо Жаръ-птицы
Завернулъ оцашъ въ прящицы,

И спокойно шутъ прилѣгъ
У коней, близъ заднихъ ногъ.
Только начало зориться,
Спальникъ началъ шевелишься,
И увидя, что дуракъ
Спать прекрѣско, какъ хомякъ,
Онъ тихонько на полъ сходящъ
И на цыпочкахъ подходишь
Мигомъ шапку подхватилъ,
Прыгъ въ окно и — слѣдъ просмылъ.

Царь лишь только пробудился,
Спальникъ нашъ къ нему явился,
Спукнулъ крѣско объ полъ лбомъ,
И зашѣлъ Царю попомъ :
«Я съ повинной головою,
«Царь, явился предъ тобою ;
«Не вели меня казнишь,
«Прикажи мнѣ говоришь.»
— «Говори, не прибавляя
(Царь сказалъ ему, зъвая);

«Если жь будешь шыда вращь,

«То бѣды не миновашь.»

Спальникъ нашъ, собравшись съ силой,

Говорить Царю: «Помилуй!

«Вопшь-ше испишной Хришосъ,

«Справедливъ мой, Царь, доносъ.

«Нашъ Иванъ, по всякой знаешь,

«Ошь шебя, Ошець, скрываешь,

«Но не злашо, не сребро, —

«Жароштицево перо....»

— «Жароштицево?... Проклятой!

«И онъ смѣль такой богатой....»

«Погоди же шы, злодѣй!

«Не минуешь ты плешей!» —

— «Да и шоль еще онъ знаешь?

(Спальникъ тихо продолжаетъ,

Изогнувшись,) «добро!

«Пусть имѣль бы онъ перо;

«Да и самую Жаръ-птицу,

«Во швою, Ошець, свѣшлицу,

«Если бѣ вздумалъ приказать,

«Похваляется досшашь.»

И польсшивши донесеньемъ
Хищрой Спальникъ со смиренъемъ,
Къ Государю приешушлъ
И перо ему вручилъ.

Царь смошрѣлъ и дивовался,
Гладилъ бороду, смѣялся
И скусилъ пера конецъ.

Тушь, улавъ его въ ларецъ,
Закричалъ ошъ восхищенья:

.....
.....

«Гей! позвашь мнѣ дурака!»

И посыльные Дворяна
Побѣжали по Ивана;
Но, сполкнувшись всѣ въ углу,
Разшяпулись на полу.
Царь шѣмъ много любовался
И до колошья смѣялся;
А дворяне усмошря,

Что смѣшно то для Царя,
Межъ собой перемигнулись,
И вдругоредь расшянулись.

.....
.....

Тутъ посылные Дворяна
Вновь пустились зватьъ Ивана,
И на эшошь уже разъ
Обошлся безъ проказъ.

Вошь къ конюшнѣ прибѣгаюшь,
Двери наснежь ошворяюшь,
И ногами дурака
Пу пошалкивашъ въ бока;
Съ полчася надъ нимъ возились,
Но его не добудились;
Наконецъ ужъ рядовой
Разбудилъ его мешлой.

«Что за челядь вы такая?
(Говоритъ Иванъ, вспавая)
»Какъ хвачу я васъ бичёмъ,

«Такъ не станете пошомъ

«Безъ пуши будишь Ивана.»

Говоряшъ ему Дворяна :

«Царь изволилъ приказашъ

«Намъ шебя къ нему позвашъ.» . .

— «Вошь немножко приберуся

«И пошчасъ къ Царю явлюся

(Говоришь посламъ дуракъ.)

Тушь надѣль онъ своей армякъ,

Ополяской подвязался,

Пріумылся, причесался,

Кнушь привѣсилъ за конецъ,

И пуспылся во дворець.

Вошь Иванъ къ Царю явился,

Поклонился, подбодрился,

И пошчасъ Царя спросилъ :

Для чего его будилъ?

Царь прищурясь глазомъ лѣвымъ,

Закричалъ къ нему со гнѣвомъ :

«Ты мнѣ долженъ отвѣчалъ :

«Какъ ты смѣль, уродъ, скрываешь

«Опшъ моего разумѣнья,

«Находясь въ моемъ владѣннн

«Что имѣешь ты добро —

«Жаропищцево перо?...

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

«Ошвѣчай же, супоссташъ!» —

— «Охъ! помилуй! вишовашъ!»

.....

.....

«Ну, для перваго случая,

«Я вину тебѣ прощаю;

(Царь Ивану говоритъ)

«Я, помилуй Богъ, сердншь!

«Мнѣ сказали : ты Жаръ-птицу

«Въ нашу Царскую свѣтлицу,

«Если бь вздумалъ приказашь,

«Похваллешься досташь.

«Ну, смотри жь, не оширайся,

«И досташь ее сшарайся.

.....

.....

.....

.....

..... «Но смотри,

«Если ты подѣли въ три

«Не достанешь мнѣ Жаръ-птицу

«Въ нашу Царскую свѣтлицу,

«То клянуса бородой,

«Не являйся мнѣ живой :

«Посажу тебя я на-коль.

«Вонь сей часъ!» — Иванъ заплакалъ

И пошелъ на сѣноваль,

Гдѣ конѣкъ его лежалъ.

Горбунокъ, его почул,

Дрягнулъ было плясовую ;

Но увидя дурака,

Онъ оставилъ прешака.

«Что, Иванушка, не весель ?

«Что головушку повѣсилъ ?»

Говоришь ему конёкъ,

У его вертяся ногъ,

«Чай стубили лиходѣи ?»

Паль Иванъ къ коньку на шею,

Обнималъ и цѣловалъ.

«Охъ ! бѣда, конекъ !» (сказалъ)

«Царь велишь достать Жарь-Птицу

«Въ Государскую свѣшлицу ;

«Что мнѣ дѣлать горбунокъ ?»

Говоришь ему конекъ :

«Велика бѣда, не спорю ;

«Но могу помочь я горю.

«Отъ того бѣда своя,

«Что не слушался меня ;

«Помнишь, ѣхавши въ столицу,

«Ты нашелъ перо Жарь-птицы ;

«Я сказалъ тебѣ тогда :

«Не бери, Иванъ, бѣда!

«Много, много непокою

«Принесешь оно съ собою.

«Вошь шереря шы узналъ,

«Для чего я запрещалъ.

«Но скажешь тебѣ по дружбѣ :

«Эшо службишка, не служба ;

«Служба все, брашъ, впереди.

«Ты къ Царю шерерьь поди

«И скажи ему открышо :

«Надо, Царь, мнѣ два корыша,

«Бѣлояроваго пшепа,

«Да заморскаго вина ;

«Да вели пошороцишься.

«Завшра шолько зазоришься,

«Мы опшравимся въ походъ.»

Вошь Иванъ къ Царю идетъ,

Говоритъ ему открышо :

«Надо, Царь, мнѣ два корыша,

«Бѣлояроваго пшепа,

«Да заморскаго вина.»

Царь велѣлъ, чшобы Дворяна,
Все сыскали для Ивана,
Молодцомъ его назваль,
И — «счастливыи пушь!» сказаль.

На другой день, ушромъ, рано,
Разбудиль конекъ Ивана.

«Гей! хозяинъ! полно спашь!

«Ужь пора тебѣ вставашь.»

Вошь Иванушка поднялся,

Въ пушь-дорожку собирался,

Взяль корышы и пшепо,

И заморское вино;

Попецдѣе приодѣлся,

На конькѣ своемъ уеѣлся,

Вынулъ хлѣба ломошкѣ

И поѣхаль на Восшокѣ —

Доспавашь шое Жарь-пшицу.

Бдушъ цѣлую седмицу.

Напоследокѣ въ день восьмой

Прѣзжаюшъ въ дѣсь гущой.

Гушъ сказаль конекъ Ивану :

«Ты увидишь здѣсь поляну;

«На полянѣ шой гора

«Вся изъ чистаго вребра ;

«Вошь сюда-шо до зарницы

«Прилепають жары-щицы —

«Изъ ручья воды испишь ;

«Гушъ и будемъ ихъ ловишь.»

Вошь конекъ по косогору

Поднялся на эшу гору,

Вершю, другу пробѣжалъ,

Усшоялся и сказаль :

«Скоро ночь, Иванъ, начнешя

«И тебѣ шеречь придетя.

«Ну, въ корышо лей вино,

«И съ виномъ мѣшай пшею.

«А чшобъ бышь тебѣ закрышу

«Подъ другое сядь корышо,

«Вшихомолку примѣчай ;

«Да смотри же, не зѣвай.

«До восхода, слышь, зарницы

«Прилѣпашь сюда жаръ-щицы

«И начпушь пшено клевашь
«Да по своему кричашь.
«Ты, кошорая поближе,
«И схваши ее, смопри же,
«А поймаешь шицу-жарь,
«И кричи на весь базарь:
«Я шопчасъ къ тебѣ явлюся.»
— «Ну, а если обожгуся?
(Говоришь коньку дуракъ,
Разшилая свой армякъ)
«Рукавички взяшь придется,
«Чай, плушовка, больно жгешся.»
Тушь конекъ изъ глазъ изчезъ;
А Иванъ дуракъ подлѣзъ
Подъ дубовое корышо,
И лежшъ шамъ, какъ убишой.

Вопъ полночною порой
Свѣшъ разлился надъ горой, —
Будшо полдень насшупаешъ:
Жары-шицы налѣшають;
Сшали бѣгашъ и кричашъ

И пшено съ виномъ клевашь.

Нашъ Иванъ, ошь ихъ закрышой,
Смошрить шшщъ изъ подь корыша
И полкуешъ самъ съ собой,
Разводя своей рукой:

«Тьфу шы, дьявольская сила!

«Экъ ихъ — дрянней привалило!

«Чай, ихъ шущъ десятковъ съ плшъ.

«Кабы всѣхъ переимашъ, —

«То-шобъ знашная пожива!

«Неча молвишь: сшрахъ красивы!

«Ножки красныя у всѣхъ;

«А хвосты-шо — сущій смѣхъ!

«Чай шакихъ у курищъ лѣшу;

«А ужъ сколько, парень, свѣшу, —

«Словно бапюшкена печь!»

И ведя шакую рѣчь,

Нашъ Иванъ на поль-аршпина

Вылезъ шихо на средину,

Ко пшену съ виномъ подползъ, —

Хвашъ одну изъ шшщъ за хвостъ!

«Ой! кончикъ-горбуночакъ!

«Прибѣгай скорѣй, дружочикъ !

«Я вѣдь шицу-ша поймалъ !

(Такъ Иванъ-дуракъ кричалъ.)

Горбунокъ тошчасъ явился.

«Ну, хозяинъ, опличился !

(Говоритъ ему конекъ) :

«Опускай ее въ мѣшокъ ,

«Да завязывай шужѣе ;

«А мѣшокъ привѣсь на шею.»

И уладивъ межъ собой ,

Ворошился домой.

Вошь прѣехали въ ешолцу.

«Что ? досталъ ли ты жаръ-шицу?»

Царь Ивану говоритъ.

«Прикажи-ка, Царь, закрыши

«У швоей опочивальни

«Крѣико на крѣико все сшавни ,

«Знаши, чшобы не свѣшилъ свѣшь.»

(Говоритъ Иванъ въ опивѣнъ)

Тунъ Дворни побѣжали ,

Сшавни крѣико зашрали —

Топъ защолчкой, топъ ключемъ.
Вошь Иванъ шряхнулъ мышкомъ
Свѣшь невиданный — въ свѣщлицѣ
Опъ шое пошелъ жаръ-пшицы.
Царъ кричишь на весь базаръ :
«Ахши ! банюшки, ножаръ !
«Эй ! рѣшошочныхъ сзывайте !
«Заливайте ! заливайте !»
— «Эшо, слышь ты, не пожаръ,
«Эшо свѣшь опъ пшицы-жаръ,
(Говоришь Иванъ со смѣхомъ)
«Видишь, знашную пошѣху
«Я привезъ те, Осударь !»
Тушь сказалъ Ивану Царъ :
«Ну, спасибо, брагъ — Ванюша !
«Взвеселилъ мою ты душу;
«И для радости шакой —
«Будь ты Царской Спремянной !»

Эшо видя хишрый Спальникъ,
Прежній конюшихъ начальникъ,
Говоришь себѣ подъ ность :

«Нѣтъ, постои молокососъ!»

«Не всегда тебѣ случишся

«Такъ канальски опличишся.

«Я те снова подведу,

«Мой дружочикъ, подъ бѣду!»

Черезъ три попомъ недѣли,

Вечеркомъ однимъ сидѣли

Въ царской кухнѣ повара

И служишели Двора,

Попивали изъ спакана,

Да чинали Еруслана.

«Эхъ! (одинъ слуга сказалъ)

«Какъ севодни я доспалъ

«Опъ сосѣда — чудо-книжку!»

«Въ ней спрациць не шакъ чщобъ слишкомъ,

«Да и сказокъ только пять;

«А ужъ сказки — вамъ сказать,

«Такъ не можешъ надивишся;

«Надо жъ эдакъ умудришся!»

Тупъ всѣ въ голосъ: «удружи!»

«Разскажи, брашъ, разскажи!»

— «Ну, какую жь вы хошите?»

«Пяшь вѣдь сказокъ; вошь смоприше:

«Перва сказка о *Бобрть*;

«А вторая о *Цартъ*;

«Трешья... дай Богъ память... точно!

«*О Боярынтъ востогной*;

«Вошь въ чешвершой: *Князь Бабыль*;

«Въ пяшой... въ пяшой... эхъ, забыль!

«Въ пяшой сказкѣ говорится...

«Такъ въ умѣ вошь и вершишея...»

— «Ну, да брось ее!» — «Поешой!.. —»

— «*О красокѣ чшоль какой?*» —

— «Точно въ пяшой говорится

«*О прекрасной Царь-Дѣвицѣ.*

«Ну, которую жь, друзья!

«Разскажу севодни я?

— «Царь-Дѣвицу!» (всеъ кричали;)

«*О царяхъ мы ужъ слыхали;*

«*Намъ дѣвицѣ-то поскорѣй!*

«*Ихъ и слушашь веселѣй.*»

И слуга, усѣвпшеъ важно,

Сшалъ разсказывать прошлжно.

«У далёкихъ Нѣмскихъ еспранъ
«Ешь, ребяша, окіянъ.
«По тому ли окіяну
«Вздяшъ шолько Бесурманы;
«Съ православной же земли
«Не бывали николи
«Ни Дворяне, ни міряне
«На поганомъ окіянъ.
«Отъ госшей же слухъ идетъ,
«Чшо Дѣвица въ немъ живешъ;
«По Дѣвица не просая:
«Дочь вѣдь мѣсяцу родная,
«Солнце старшій будешъ бранъ.
«Та Дѣвица, говоряшъ,
«Вздишъ въ красномъ полушубкѣ,
«Въ золошой, ребяша, шлюпкѣ,
«И серебрянымъ весломъ
«Въ окіанѣ правишъ шомъ;
«Разны пѣсни погъваешъ
«И на гусельцахъ играешъ . . . »

Спальникъ шущъ съ палашей скокъ,

И со всѣхъ, что было, ногъ
Во дворецъ къ Царю пустился
И какъ разъ къ нему явился;
Спукнулъ крѣпко объ полъ лбомъ
И запыль Царю пошомъ:

«Я съ повинной головою,

«Царь, явился предъ тобою;

«Не вели меня казнишь,

«Прикажи мнѣ говоришь.»

— «Говори, да правду только

«И не лги, смолри, ни сколько.»

Царь съ кровати закричалъ.

Хитрой Спальникъ отвѣчалъ:

«Мы севодни въ кухнюъ были,

«За швое здоровье шили,

«А одипъ изъ дворскихъ слугъ

«Насъ забавилъ сказкой въ слухъ;

«Въ этой сказкѣ говоришея

«О прекрасной Царь - Дѣвицѣ

«Вошь швой Царской Стремяшшой

«Поклялся швоей брадой,

«Чшо онъ знаешъ эту пшицу —

«Такъ онъ назвалъ Царь - Дѣвицу,

«И ее, изволишь знашь,

«Похваляется досташь.»

Спальникъ спукнулъ объ полъ снова.

«Гей! позвашь мнѣ Спремянова!»

Царь Посыльнымъ закричалъ.

Спальникъ шупъ за печьку спалъ;

А посыльные Дворяна

Побѣжали по Ивана,

И соннаго дурака

Привели безъ армяка.

Царь такъ началъ рѣчь : «Послушай!

«На тебя доносъ, Ванюша.

«Говоряшь, что ты сей часъ

«Похваляешься для насъ

«Ошыскашь другую шицу,

«Сирѣчь, молвишь, Царь - Дѣвицу»

.....

.....

.....

.....

.....

.....
.....«По смощри,
«Если ты недѣли въ шри,
«Въ нашу Царскую свѣшлицу
«Не досманешь Царь - Дѣвицу,
«То, клянуса бородой,
«Не османешься живой:
«Посажу тебя я на-коль.
«Вонъ сейчасъ!» — Иванъ заплакалъ,
И пошелъ на сѣноваль,
Гдѣ конекъ его лежалъ.

«Что, Иванушка, не весель?»
«Что головушку повѣсилъ?»
Говоришь ему конекъ,
У его вершяся ногъ.
«Знашь егубили лиходѣи!»
Палъ Иванъ къ коньку на шею,
Обнималъ и цѣловалъ.
«Охъ! бѣда, конекъ! (сказалъ.)
«Царь велишь въ свою свѣшлицу
«Мнѣ досманъ, слышь, Царь - Дѣвицу.

«Что мнѣ дѣлать, горбунокъ?»

Говоришь ему конѣкъ :

«Велика бѣда, не спорю ;

«Но могу помочь я горю.

«Ошъ шого бѣда швоя,

«Что не слушался меня.

«Но сказать тебѣ по дружбѣ,

«Эшо службишка, не служба ;

«Служба все, брашъ, впереди !

«Ты къ Царю шеперь поди,

«И скажи : вѣдь для поимки,

«Надо, Царь, мнѣ двѣ ширинки,

«Шишой золошомъ шашёръ,

«Да обѣденной приборъ —

«Весь заморскаго варенья,

«И слашей для прохлажденья.»

Вошъ Иванъ къ Царю идешъ

И шакую рѣчь ведешъ :

«Для Царевниной поимки,

«Надо, Царь мнѣ двѣ ширинки,

«Шишой золошомъ шашёръ,

«Да объденный приборъ —

«Весь заморскаго варенья,

«И сластей для прохладенья.

«Да вели-ка посѣшашь,

«Чтобы время не шеряшь.»

Царь велѣлъ, чтобы Дворяна

Все сыскали для Ивана,

Молодцомъ его назвалъ,

И — «Счастливей пушь!» сказалъ.

На другой день, ушромъ, рано
Разбудилъ конекъ Ивана.

«Гей, хозяинъ! полно спать!

«Ужъ пора тебѣ вставать!»

Вошь Иванушка поднялся,

Въ пушь-дорожку собирался,

Взялъ ширинки и шаперъ,

И объденный приборъ —

Весь заморскаго варенья,

И сластей для прохладенья,

Все въ мѣшокъ дорожной складъ

И веревкой завязалъ.

Пошепелѣе придѣлся,
На конькѣ своемъ усѣлся,
Вынулъ хлѣба ломошкѣ,
И поѣхалъ на восшокѣ,
По шое ли Царь-дѣвицу.

Бдушъ цѣлую седмицу.

Напоследокъ въ день восьмой
Прѣзжающъ въ лѣсъ гусшой.
Тутъ сказалъ конекъ Ивану:
«Вотъ дорога къ Окіану;
«И на пемь-шо круглой годъ
«Та красавица живетъ;
«Два лишь разъ на берегъ сходишь:
«Эшо время ужъ приходишь.
И предъ утренней зарей
Пробѣгаешь лѣсъ гусшой,
И выходишь на поляну,
Прямо къ морю-Окіану,
На которомъ бѣлой валъ
Одинешенѣкъ гулялъ.
Тутъ Иванъ съ конька слѣзаетъ;

А конекъ ему вѣщаеишь :

«Ну, раскидывай шашеръ ,

«На ширинку спавъ приборъ

«Изъ заморскаго варенья,

«И слашей для прохлажденья.

«Самъ ложися за шашромъ ,

«Да смѣкай себѣ умомъ.

«Видишь шлюпка вонъ мелькаешъ

«То Царевна подплываешъ.

«Пусшь въ шашеръ она войдешъ,

«Пусшь покушаешъ , пошьешъ ;

«Вошь какъ въ гусли заиграешъ , —

«Знай ужъ время насшупаешъ :

«Ты шощчасъ въ шашеръ вбѣгай,

«И Царевну сохвапай ;

«Да держи ее сильнѣе,

«И зови меня скорѣе.

«Я на первой швой приказъ ,

«Прибѣгу къ тебѣ , какъ разъ ;

«И повдемъ Да смощри же ,

«Ты подъ гусли не засни же !

«Если жъ ты ее просишь , —

«То въ послѣдній разъ глядишь.»
Тутъ конекъ изъ глазъ сокрылся;
За шашеръ Иванъ забился,
И давай дыру вершѣшь,
Чшобъ Царевну подемошрѣшь.

Ясный полдень наступаетъ;
Царь - Дѣвица поддываетъ,
Входишь съ гуслими въ шашеръ
И садишься за приборъ.
«Хе! такъ вопъ ша Царь Дѣвица!
«Какъ же въ сказкахъ говоришь
(Разсуждаешь Сшремянной)
«Что куда красна собой
«Царь-Дѣвица, такъ что диво!
«Эта вовсе не красива:
«И суха-то, и тонка,
«Чай въ обхватъ-то при вершка;
«А ножонка-то, ножонка!
«Словно взята у цыпленка.
«Пуешь полюбишься кому:
«Я и даромъ не возьму.»

Тутъ Царевна заиграла,
И шакъ сладко припѣвала,
Чшо Иванъ, не зная какъ,
Опустился на армякъ;
И подь голосъ тихой, спройной,
Засыпаетъ преспокойно.

Западъ тихо догаралъ.
Вдругъ копекъ надъ нимъ заржалъ,
И толкнувъ его копышомъ,
Говоритъ ему сердито:
«О дуракъ ты записной!
«Чшо надѣлалъ ты съ собой?
«Вѣдь тебя посадятъ на-коль.»
Тутъ Иванъ дуракъ заплакалъ,
И, рыдаючи, просилъ,
Чшобъ копекъ его просилъ.
«Опусти вина Ивану,
«Я впередъ ужъ снашь не снашу.»
— «Ну ужъ Богъ тебя просишь!
(Горбунокъ ему кричишь)
«Пособишь еще возможно;

«Только будь по осторожнѣй.
«Завтра рано поутру
«Къ златошвенному шапру
«Приплывешь ояшь Дѣвица —
«Мѣду сладкаго напишься.
«Если жъ снова ты заснешь,
«То меня ужъ не найдешь.»
Тутъ конекъ ояшь сокрылся;
А Иванъ собираетъ путешля
Отъ разбиныхъ кораблей
Подъ спину свою гвоздей,
Для того, чтобъ пробудиться
Если слишкомъ разошлся.

На другой день по утру,
Къ златошвенному шапру
Царь-Дѣвица подылываетъ,
Шлюпку на берегъ бросаетъ.
Входитъ съ гуелями въ шашёръ
И садится за приборъ....
Вошь Царевна заиграла,
еѣ шкъ сладко припѣвала

Чшо Иванушкѣ оцашь

Захошѣлось почивашь.

«Нѣштъ! посшой же ты — дрянная!

(Говоришь Иванъ, вешавая)

«Ты вдругоредь не уйдешь,

«И меня не проведешь.»

Тушъ въ шашерь дуракъ вбѣгаешъ,

За косу ея хвапашь....

«Ой, бѣги, конекъ, бѣги!

«Горбуцокъ мой, помоги!»

Вмигъ конекъ къ нему явился.

«Ну, хозяинъ опличился!

«Но садись ко мнѣ скорѣй,

«Да держи ея пошнѣй!»

Вошъ въ сшодлицу приѣзжаюшъ.

Царь къ Царевнѣ выбѣгаешъ,

За бѣлы руки берешъ,

Во Дворецъ ея ведешъ,

Садешъ опъ за споль дубовой,

И подъ занавѣсъ шелковой.

Въ глазки съ нѣжностью глядишъ,

Сладки рѣчи говоришь :

«Безподобная Дѣвица!

«Согласися бышь Царицей.

«Я тебя едва узрѣлъ, —

«Сильной спрасхью воскипѣлъ.

«Соколины швой очи —

«И во время темной ночи,

«И среди свѣта дня,

«Охъ! измучаюшь меня.

«Молви ласковое слово!

«Все для свадьбы уже готово;

«Завтражъ ушромъ, свѣщикъ мой!

«Обвѣнчаемся съ тобой.

«Поцѣлуй же, дорогая!»

А Царевна молодая,

Ничего не говоря,

Отвернулаеь ошь Царя.

Царь несколько не сердился,

Но сильнѣй еще влюбился.

На колынь предъ нею сшалъ

Ручки шжно цѣловалъ,

И балясы началъ снова :

«Молви ласковое слово !

«Чѣмъ тебя я огорчилъ ?

«Али шѣмъ, что полюбилъ ?

«Ошвѣчай же, несравненна !»

Говоришь ему Царевна :

«Если любишь ты меня,

«То доставь чрезъ при мнѣ для

«Персень мой изъ Окіяна.»

— «Гей ! позважь ко мнѣ Ивана !»

Царь поспѣшно закричалъ ,

И едва не побѣжалъ.

Вошь Иванъ къ Царю явился.

Царь къ нему оборотился

И сказалъ ему : «Иванъ !

«Поѣзжай на Окіанъ ,

«Съ перснемъ въ прешій день явися ;

«Да смотри пошорошися.

«Я ще щедро награжу ,

«И въ Болры посажу.»

— «Я и съ первой-шо дороги

«Волочу насилу ноги;

«Ты опяшь — на Окіань!»

(Говорить Царю Иванъ.)

— «Какъ же, плушь, не шоропишься?

«Видишь я хочу женишься!»

Царь со гнѣвомъ закричалъ,

И ногами засшучалъ.

«У меня не опширайся,

«А скорѣе опшправляйся!»

Гушь Иванъ холѣлъ идти.

«Эй, посланникъ, подожди!

(Говорить ему Царица)

«Завзжай шы поклопишься,

«Въ изумрудной шеремъ мой,

«Да скажи моей родной:

«Ошь чего она при ночи.

«Не показывала очи?

«И зачьмъ вошь при ужъ дил

«Брашець скрылся ошь меня?

«Не забудь же!» — «Помнишь буду,

«Если только не забуду;

«Да вѣдь надо же узнашь —

«Кшо ше брашець? кшо-ше машь?»

«Чшобъ въ роднѣ-шо мнѣ не сбишься.»

(Говоришь Иванъ Цариць.)

— «Мѣсяць машь мнѣ, солнце — брашъ.» —

— «Да, смопри жъ, скорѣй назадъ!»

Царь-женихъ къ шому прибавилъ.

Тушь Иванъ Царя осшавилъ,

И пошелъ ва сѣноваль,

Гдѣ конѣкъ его лежалъ.

«Чшо Иванушка не весель?»

«Чшо головушку повѣсилъ?»

Говоришь ему конекъ.

«Помоги мнѣ, горбунокъ.

«Видишь, вздумалъ Царь женишься,

«Знашь, на шонелькой Цариць,

«Такъ и шлеть на Окілять.»

(Говоришь коньку Иванъ.)

«Даль мнѣ сроку шри дни шолько:

«Тушь попробовашь изволь-ка

«Першень дявольской досшашь!

«Да вельла заѣзжашь

«Эша тонкая Царица

«Солнцу-брашцу поклонисься,

«Да и мѣсяцу пошомъ

«Ошвезти ошь ней поклонъ.»

Тушь конекъ : «сказашь по дружбѣ,

«Эшо службишка, не служба;

«Служба все, брашь, впереди.

«Ты шецера спашь поди;

«А на завшра ушромъ рано

«Мы поѣдемъ къ Окіяку.»

На другой день нашъ Ивашь,
Взявъ двѣ луковки въ кармагъ,
Пошеплѣе приодѣлся,
На копкѣ своемъ усѣлся,
И поѣхалъ въ дальній пушь....
Дайше, брашцы, отдохнушь!

Конецъ 2-й части.

КОНЕКЪ - ГОРБУНОКЪ.

Ч А С Т Ъ І І І .

«Доселева Макаръ огороды поналъ,
«А нынче Макаръ въ воеводы поналъ.

102

103

Т а р а р а л и , ш а р а р а !
Вышли кони со двора ;
Вошь крещьяне ихъ поймали,
Да покрѣпче привязали.
Сидишь воронъ на дубу,
Онъ играешь во трубу ;
Какъ во трубушку играешь,
Православныхъ пошѣшаешь :
«Эй! послушай, людъ честной!
«Жили-были мужъ съ женой ;
«Мужъ-то примешся за шушки,
«А жена за прибаушки,
«И пойдешь у нихъ шумъ пиръ,
«А что да весь крещеной мѣръ!»

Эшо присказка ведешся,
Послѣ сказочка начнешся.

Какъ у нашихъ у ворошѣ
Муша пѣсенку поешъ :
«Что дадише мнѣ за вѣспку?
«Бьешъ свекровь свою невѣспку :
«Посадила на песокъ,
«Привязала за шнурокъ,
«Ручки къ ножкамъ пришынула
«Ножку правую разула.
««Не ходи шы по зарямъ,
««Не кажися молодцамъ»»
Эшо присказка велася ;
Вошѣ и сказка началася.

Ну-сѣ, такъ ѣдетъ нашъ Иванъ
За кольцомъ на Окіанъ ;
Горбунокъ лешитъ какъ вѣтеръ,
И еще на первый вечеръ
Верешъ ешо тысячь ошмахалъ,
И нигдѣ не опдыхалъ.

Подъѣзжая къ Окіану,
Говоришь конекъ Ивану :
«Ну, Иванушка, смотри,
«Вошь минушки черезъ шри
«Мы пріѣдемъ на поляну —
«Прямо къ морю-Окіану;
«Поперегъ его лежишь
«Чудо-юдо рыба кишъ;
«Десять лѣтъ ужъ онъ спрадаешъ,
«А доселева не знаешъ,
«Чѣмъ прощенье получишь.
«Онъ учнешъ тебя просишь,
«Чтобъ ты въ солнцевомъ селеньѣ —
«Попросилъ ему прощеньѣ;
«Ты исполнишь обѣщай,
«Да смотри жъ не забывай!»

Вошь въѣзжающъ на поляну —
Прямо къ морю-окіану;
Поперегъ его лежишь
Чудо-юдо рыба кишъ.
Всѣ бока его изрышы,

Чашоколы въ ребра вбишы,
На хвостъ сырѣ-борѣ шумишь,
На спишѣ село споишь,
Мужички на губѣ пашушь,
Между глазъ мальчишки пляшутъ,
А въ дубравѣ межъ усовъ
Ищутъ дѣвушки грибовъ.

Вошь конекъ бѣжишь по кишу,
По коснямъ спучишь кошышомъ.
Чудо-юдо рыба кишъ
Такъ проѣзимъ говоришь,
Ротъ широкій ошворля
Тяжко, горько воздыхая:
«Пушь-дорога, господа!
«Вы откуда и куда?»
— «Мы посланники Царицы,
«Бдемъ оба изъ споллицы,
(Говоришь кишу конекъ)
Къ солнцу прямо на Восшокъ,
«Во хоромы золошые.»
— «Такъ не лѣзя ль, ошцы родные,

«Вамъ у Солнышка спросишь :

«Долго ль мнѣ въ опалѣ бышь,

«И какое повелѣнье

«Мнѣ исполнишь для прощенья?» —

— «Ладно, ладно, рыба-кишь!» —

Нашъ Иванъ ему кричишь.

— «Будь ошець мой милосердный!

«Вишь, какъ мучуся я — бѣдный!

«Десянь-льшь ужъ здѣсь лежу...

«Я и самъ те услужу...»

(Кишь Ивана умоляетъ,

Самъ же шяжко въздыхаешь.)

«Ладно, ладно, рыба кишь!»

Пашъ Иванъ ему кричишь.

Тушь конекъ подъ нимъ забился,

И по берегу пусшился;

Только видно какъ несокъ

Въешся вихоремъ у погъ,

Будто сдѣлалась погода.

Бдушъ долго ли, корошко,

И увидѣли ль кого —

Я не знаю ничего.

Скоро сказка говоришся ;

Дѣло мѣшкошно шворишся.

Только, брашцы, я узналъ,

Чшо конекъ шуда взбѣжалъ,

Гдѣ (я слышалъ споропою)

Небо сходишся съ землею ;

Гдѣ кресшьянки лець прядушъ,

Прядки на небо кладушъ.

Тушъ Иванъ на небо вѣхалъ,

Да по небу и поѣхалъ,

Избоченясь, будшо Князь,

Шапку на бокъ, подбодрясь :

«Эко диво ! эко диво !

«Наше царшво хощь красиво,

(Говоришъ коньку Иванъ

Средь лазуревыхъ поляцъ)

«А какъ съ небомъ-шо сранишся,

«Такъ подь спельку не годишся.

«Вѣдь у насъ земля черна,

«И шемна-шо, и грязна ;

«Здѣсь земля-то голубая,

«А ужъ свѣшлая какая!...

«Посмотрѣ-ка, горбунокъ,

«Видишь, вонъ-гдѣ, на Восшокъ,

«Словно свѣшился гнилушка...

«Чай, крестьянская избушка?

«Чшо-то больно висока!»

(Такъ спросилъ Иванъ конька).

— «Эшо шеремъ Царь-Дѣвицы,

«Нашей будущей Царицы;

(Горбунокъ ему кричишь)

«По ночамъ здѣсь солнце спишь;

«А какъ день денской приходишь,

«То сюда и мѣсяцъ приходишь.»

Подъѣзжаютъ къ ворошамъ.

Сто столбовъ по сторонамъ;

Всѣ столбы шѣ голубые,

А верхушки золотые;

На верхушкахъ три звѣзды.

Вокругъ шерема сады:

На серебряныхъ шамъ вѣшкахъ,

Въ раззолоченныхъ во клѣткахъ,
Птицы райскія живутъ,
Пѣсни царскія поютъ.

А вѣдь шеремъ съ шеремами,
Будшо городъ съ деревнями;
А на шеремъ изъ звѣздъ —
Православный Русской крестъ.

Вошь конекъ во дворъ въѣзжаешь;
Нашъ Иванъ съ него слѣзаешь,
Въ шеремъ къ мѣсяцу идешь,
И шаковую рѣчь ведешь:

«Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ!

«Я — Иванушка Пешровичъ...

«Изъ далекихъ я сторонъ

«И привезъ къ тебѣ поклонъ.»

— «Сядь, Иванушка Пешровичъ!

(Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ),

«И повѣдай мнѣ вину —

«Въ нашу свѣшлую спрану —

«Твоего съ земли прихода;

«Изъ какого ты народа,

«Какъ явился въ сей сстранѣ, —

«Все вполне повѣдай мнѣ.» —

— «Я съ земли пришелъ землянкой,

«Изъ страны вѣдь Христіанской,

(Говорить ему Иванъ)

«Переѣхалъ Окіанъ —

«Съ порученьемъ ошъ Дѣвицы,

«Нашей будущей Царицы,

«Чшобъ тебя ошъ ней спрошашъ,

«Послѣ ей пересказать :

««Для чего дескашь приuchi

««Не показывалъ шыuchi,

««И зачѣмъ-де приuchi днѣ

««Солнце скрылось ошъ меня?»»

— «А какаѣ-шо Царица?» —

— «Эшо, знаешъ, Царь-Дѣвица. . .» —

— «Царь-Дѣвица?! . . . такъ она —

«Что ль шобой увезена?»

(Вскрикнулъ Мѣсяць Мѣсяцovichъ).

Гушъ Иванушка Петровичъ

Говорить : «извѣстно, мной!

«Вишь, я Царской Сшремлянкой;

«Ну, такъ Царь меня ошправиль,
«Чтобы я ее дославиль
«Въ три недѣли во Дворецъ;
«А не то меня, Ошець,
«Посадишь грозился на-коль.»
Мѣсяць съ радости заплакалъ,
Ну Ивана обнимаешь,
Цѣловашь и меловашь.
«Ахъ, Иванушка Пешровичъ!
(Молвилъ Мѣсяць Мѣсяцovichъ)
«За твою такую вѣшь,
«Все бери, что только ешь.
«А ужъ мы какъ горевали,
«Что Царевку пошеряли,
«Такъ не можно и сказаешь,
«А не то, чтобъ описашь.
«Ошь того-то по три почи
«Не показывалъ я очи;
«Ошь того-то мой сынокъ,
«Вошь четвертый ужъ денекъ,
«Не являешся къ Сестрицѣ,
«Той ли красной Царь-Дѣвицѣ.

«Что? здорова ли она?

«Не грушна ли, не больна?»

— «Всеми бы, кажешся, красонка;

«Да у ней, кажись, сухошка:

«И суха-то и шонка,

«Чай въ обхвашь-то при вершка.

«Вошь какъ за-мужь-то посещешь,

«Такъ, не бошь и пошолешъ:

«Царь, слышь, женился на ней....»

Мѣсяць вскрикнулъ: «Ахъ! злодѣй!

«Вздумалъ въ семьдесятъ женился

«На молоденькой Дѣвицѣ!

«Да стою я крѣпко въ помѣ —

«Не бывашь ей за Царёмъ!»

Тутъ Ивалушка поднялся,

Въ пушь-дорожку собирался....

Вдругъ онъ дважды привскочилъ,

«Эхъ! немножко не забылъ!

«Есть къ тебѣ, родной, прошенье —

«То о кишовомъ прощеньи....

«Есть, вишь, море; чудо-кишъ

«Поперегъ его лежишь ;

«Всѣ бока его изрышы,

«Частоколы въ ребра вбишы.

«Онъ, бѣднякъ, меня прошалъ,

«Чтобы я тебѣ сказалъ :

«Скороль кончиша мученье ?

«Чѣмъ сыскашь ему прощенье ?

«И за что онъ шунтъ лежишь ?»

Мѣсяць ясной говоритъ :

«Онъ за шо несешъ мученье,

«Что безъ Божія велѣнья

«Проглонилъ онъ средь морей

«Три десялка кораблей.

«Если дашъ онъ имъ свободу,

«То сниму съ него невзгду.»

Поклоившись, какъ умѣлъ,

На копыка Иванъ шунтъ сѣлъ,

Свиснулъ, будшо вишязь знашной,

И пушился въ пушь обрашной

На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришелъ на Окіанъ.

Вошь конекъ бѣжишь по кишу,
По коснямъ спучишь копылонъ.

Чудо-юдо рыба кишъ

Такъ вздохнувши говоришь :

«Что, Отецъ мой? въ небѣ былъ ли?»

«Мнѣ прощенье испросилъ ли?»

Тушь конекъ ему кричишь :

«Погоди ты рыба кишъ!»

Вошь въ селенье прибѣгаетъ,
Мужичковъ къ себѣ сзываетъ,
Черной гривкою шрясаетъ,
И такую рѣчь ведетъ :

«Эй! послушайте, міряне!

«Православны Христіане!

«Коль не хотите кто изъ васъ

«Къ водяному съешь въ приказъ,

«Убирайся въ мигъ отсюда!

«Здѣсь пошчасъ случится чудо :

«Море сильно закишишь,

«Повернешся рыба кишъ...»

Тушь крещьяне и міряне,
Православны Христіяне,
Закричали : «бышь бѣдамъ!»
И пушились по домамъ.

Всѣ шелѣги собирали;
Въ нихъ не мѣшкая, поклали
Все, что было живоша, —
И осшавили киша.

Лишь на небѣ заемеркалось,
То на кишѣ не осшалоось
Ни одной души живой,
Будшо шель Мамай войшой!

Тушь конекъ на хвощѣ вбѣгаешъ,
Къ перьямъ скоро прилегаешъ,
И что мочи ешь кричишь :

«Чудо-юдо рыба кишъ!

«Опъ того швое мученье,

«Что безъ Божія велѣнья

«Проглошилъ ты средь морей

«Три десяшка кораблей:

«Если дашъ ты имъ свободу,

«Не потерпишь ужъ невзгду.»

И окончивъ это, вмигъ
Горбунокъ на берегъ прыгъ,
И на пемъ ошаповился.

Чудо-кишъ поворошился,
Началъ море волновать,
И изъ челюстей бросанъ
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами....

Тутъ поднялся шумъ такой,
Что проснулся Царь морской:
Въ пушки мѣдныя палили,
Въ трубы кованы трубили,
Бѣлой парусъ поднялся,
Флагъ на мачтѣ развился,
Понтъ съ причетомъ всеѣмъ служебнымъ
Шель на палубѣ молебны,
А гребцовъ веселый рядъ
Грянулъ шеню на подхвасть:

«Какъ по моречку по морю,
«По широкому раздолью,
«Въ отдаленныи отъ земли,
«Выбѣгаюшъ корабли...»

Волны моря за клубились,
Корабли изъ глазъ сокрылись.
Чудо-юдо рыба кишъ,
Громкимъ голосомъ кричишъ,
Рошъ широкой ошворя,
Плесомъ волны разбивая:
«Чѣмъ тебѣ мнѣ послужишъ?
«Чѣмъ за дружбу наградишъ?
«Надо ль раковинъ цвѣтисныхъ?
«Надо ль рыбокъ золотиныхъ?
«Надо ль крупныхъ жемчуговъ? —
«Все досшатъ тебѣ гошовъ!»
— «Ишь, кишъ-рыба, мнѣ не надо
«Крупныхъ жемчуговъ въ награду,
(Говоритъ ему Иванъ)
«Лучше перешень мнѣ досшатъ,
«Перешень красной Царь-Дѣвицы,

«Нашей будущей Царицы.» —

— «Ладно, ладно!» (рыба-кишъ
Стремянному говоришь)

«Опыщу я до зарницы

«Перешень красной Царь-Дѣвицы.»

Такъ кишъ-чудо ошвѣчалъ,

И, всплеснувъ, на дно упалъ.

Вошь ошъ плесомъ ударяешъ,

Громкимъ голосомъ сзываешъ

Осешриной весь народъ,

И шакую рѣчь ведеши :

«Вы досшаньше до зарницы

«Перешень красной Царь-Дѣвицы,

«Скрытый въ ящичкѣ на днѣ.

«Кшо его досшавишь миѣ,

«Награжу шого я чиномъ, —

«Будеши Думнымъ Дворяникомъ.

«Еслижъ умпой мой приѣазъ

«Не исполнише. . . . я васъ!»

Осешры шущъ поклонились

И въ порядкѣ удалились.

Черезъ нѣсколько часовъ,
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ кишу медленно подплыли,
И смиренно говорили:

«Царь Великій! не гнѣвись!

«Мы все море ужь, кажись,

«Ваша милость, обыскали,

«А все перешня не видали.

«Только Ершъ одинъ изъ насъ

«Могъ исполнить швой приказъ:

«Онъ по всѣмъ морямъ гуляешъ,

«Такъ ужь вѣрно перешень знаешъ;

«Но его, какъ бы на зло,

«Ужъ куда-то унесло.»

— «Опыскашъ его въ мишушу,

«И послашъ въ мою каюшу!»

Кишъ во гнѣвѣ закричалъ

И усами закачалъ.

Осетры шуть поклонились,
Въ Земской Судъ пошомъ пустились,
И велѣли въ шомъ же часъ

Ошъ киша писашъ указъ,
Чшобъ гонцевъ екорѣ послали
И ерша екорѣй поймали.
Лещъ, услыша сей приказъ,
Имянной писаль указъ;
Сомъ (исправникомъ онъ звался)
Подъ указомъ подписался,
Черный ракъ указъ сложилъ,
И печати приложилъ.
Двухъ Дельфиновъ тушь призывали
И, отдавъ указъ, сказали,
Чшобъ ошъ имепи Царя
Всѣ объѣхали моря,
И того ерша гуляку
Крикуна и забіяку,
Гдѣ бы ни было нашли,
Къ государю привели.
Тушь Дельфины поклонились
И ерша искашь пустились.

Ищущъ часъ они въ моряхъ,
Ищущъ часъ они въ рѣкахъ,

Всѣ озёра исходили,
Всѣ проливы переныли —
Не могли ерша сыскашь,
И вернулись назадъ,
Чушь не плача ошъ печали.

Вдругъ Дельфины услышали
Недалеко на прудѣ
Крикъ неслыханной въ водѣ....
Въ прудѣ Дельфины завернули
И на дно его пырнули, —
Глядь : въ прудѣ подъ камышемъ
Ершъ дерется съ карасемъ!
«Смирно ! черши бѣ ваеъ побрали !
«Вишь , содомъ какой подыли ,
«Словно важные бойцы !»
Закричали имъ гошцы.
— «Ну , а вамъ какое дѣло ?
(Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло)
«Я шутишь вѣдь не люблю ,
«Разомъ всѣхъ переколю !» —
— «Охъ , ты вѣчная гуляка ,

«И крикунъ и забіяка!

«Все бы, дрянъ, тебѣ гуляшь,

«Все бы драшься да кричашь;

«Дома нѣшь вѣдь не сидишь...

«Ну, да что съ тобою редишься?

«Вошь тебѣ Царевъ указъ,

«Чтобъ ты плыль къ нему шошчасъ.»

Тушь проказника дельфины

Подхвашили за щетины

И опиравились назадъ.

Ершь ну рвашься и кричашь:

«Будьше милосливы, брашцы!

«Дайте чюшочьку подрашься.

«Разпрокляшой шолъ карась

«Поносилъ меня вчерась,

«При честномъ при при всемъ собраньи,

«Бесурманской разной бранью....»

Долго ершь еще кричалъ,

Наконецъ и замолчалъ;

А проказника дельфины

Все тащили за щетины,

Ничего не говоря, —

И явились предъ Царя.

«Что ты долго не являлся?»

«Гдѣ ты, вражій сынъ, шашался?»

(Кишь со гнѣвомъ закричалъ.)

На колѣни ершь упалъ

И признавшись въ преступленьи,

Онъ испрашивалъ прощенья.

«Ну, ужъ Богъ тебя простишь!»

(Кишь державной говоритъ:)

«Но за это преступленье

«Ты исполни повелѣнье.»

— «Все исполню, славной кишь!» —

(На колѣняхъ ершь пищитъ).

— «Ты по всемъ морямъ гуляешь,

«Такъ ужъ вѣрно перстень знаешь

«Царь-Дѣвицы? . . .» — «Какъ не знаешь?

«Можемъ разомъ опыскашь.» —

— «Такъ спешай же поскорѣе,

«Да пещи его живѣе.»

Гушь, отдавъ Царю шоклонъ,

Ершь пошелъ ошшуда вонъ ;
Съ полминушы поръзвился,
Въ черной омушъ опустился
И, разрывъ на днѣ песокъ
Вырылъ красной сувдучекъ —
Пудъ по крайней мѣрѣ во сто.
«Здѣсь брашь дѣло-то не просно!»
И давай изъ всѣхъ морей
Ершь скликашь къ себѣ сельдей.

Сельди разомъ собралися,
Сундучекъ тащитъ взялся,
Только слышно и всего,
Чшо у - у ! да о - о - о !
Но сколь сильно ни кричали,
Сундучка все не подняли.
Ершь не спрашя много словъ
Кликнулъ десять осетровъ.

Вошь десятокъ приплываешь
И безъ крика поднимаешь,
Крѣчко ввязнувшій въ песокъ,
Съ перешнемъ красной сундучекъ.

«Ну, ребяшущки, смошрише,
«Вы къ Царю шеперь пльвише,
«Я пойду шеперь ко дну,
«Да немножко ошдохну:
«Что-шо сонъ одолъваешъ,
«Такъ глаза волгъ и смыкаешъ...»

Осешры къ Царю пльвущъ;
Еригъ-гуляка прямо въ прудъ,
(Изъ кошораго дельфины
Ушацили за щешины)

Чай додрашья съ карасемъ,
Я не вѣдаю о шомъ.

Но шеперь мы съ нимъ просшимся,
И къ Ивану возвращимся.

Тихо море - Окіяпъ.

На песокъ сидишъ Иванъ,
Ждешъ киша изъ синя моря,
И мурлыкаешъ ошъ горя;
Повалившисъ на песокъ,
Дремлетъ вѣршой горбунокъ.
Время къ вечеру клошилось;

Вотъ ужъ солнышко спустилось ;
Тихимъ пламенемъ горя,
Развернулась заря.

А киша не шущь-шо было.

«Чтобъ ше-вора задавило!

«Вишь, какой морской шайшанъ,
(Говоришь себѣ Иванъ)

«Объщался до зарницы

«Выпсешь персень Царь-Дѣвицы,

«А досель не сыскаль,

«Окаянной зубоскаль!

«А ужъ солнышко-шо сѣло,

«И...» Тутъ море закипѣло :

Появился чудо-кишъ

И къ Ивану говоритъ :

«За швое благодаренье,

«Я исполнилъ обещаенье.»

Съ этимъ словомъ сундукъ

Брякнулъ крѣпко на песокъ,

Только берегъ закачался,

«Ну шенерь я разквистался.

«Если жъ нуженъ буду я

«Позови опять меня;
«Твоего благодаренья,
«Не забудь меня... До свиданья!»
Тутъ кишъ-чудо замолчалъ
И, всплеснувъ, на дно упалъ.

Горбунокъ-копекъ проснулся,
Вешалъ на ножки, опряхнулъся,
На Иванушку взглянулъ
И чешырежды прыгнулъ.
«Ай, да Кишъ Кишовичъ! славно!
«Дѣло выполнилъ исправно...
«Ну, спасибо, рыба кишъ!
(Горбунокъ-копекъ кричишь)
«Чтожъ, хозяинъ? шорошися,
«Съ сундучкомъ скорѣй садися;
«Три денька вѣдь ужъ прошло, —
«Завтра срочное число.
«Чай, шарикъ ужъ умираетъ.»
Тутъ Ванюша ошвѣчаетъ:
«Радъ бы радостью поднаться,
«Да вѣдь силы не заняшь!

«Сундучишко больно плошенъ,
«Чай чершей въ него пшль сошенъ
«Кинь проклятой насажаль.
«Я ужь прожды поднималъ :
«Тяжесень страшная така!»
Тунь копекъ, не отвѣчая,
Поднялъ красной сундучекъ,
Будто легкой камешекъ,
И взмахнулъ къ себѣ на шею.
«Ну, Иванъ, садись скорѣе!
«Завтра рано по утру
«Мы приѣдемъ ко Двору.»

На другой день до зарницы
Прѣзжаютъ во ещоллицу.
Царь выходитъ на крыльцо —
«Что? привезъ ли ны кольцо?»
Царь Ивана вопрошаетъ.
«Да» (Ванюша отвѣчаетъ)
«Вонъ тебѣ и сундучекъ...
«Прикази-ка скликашь полкъ :
«Сундучишка малъ хошь да, видѣ,

«Да и дьявола задавишь.»

Царь въ минушу полкъ призвавъ,

И, не мѣдя, приказалъ

Сундучекъ отнеси въ свѣшлицу.

Самъ пошелъ по Царь-Дѣвицу,

И съ улыбкой ей сказалъ :

«Перешень пвой, душа, сыскалъ ;

«И шеперь, примолвишь къ слову

«Нѣтъ преняшесва никакаго

«Завтра ушромъ, свѣшкь мой,

«Обвѣнчашься миѣ съ тобой.

«Но не хочешь ли, дружочекъ,

«Свой увидьшь перешенечекъ :

«Онъ въ дворецъ моемъ лежнеть?»

Царь-Дѣвица говоритъ :

«Вѣрю, вѣрю. Но признашья,

«Намъ нельзя еще вѣнчашья.»

— «Ошъ чего же, свѣшикь мой?

«Я люблю тебья душой;

«Миѣ, проси мою шы смѣлосшь,

«Спрахъ женишься захошѣлось.

«Если жъ шы... шо я умру

«Завтра жь съ горя по ушру.

«Сжалься, машушка-Царица!»

Говоришь ему дѣвица :

«Но взгляни-ка, — шы вѣдь сѣдъ.

«Мнѣ пятнадцатилѣ только лѣтъ.

«Какъ же можно намъ вѣнчашься?

«Всѣ Цари начнутъ смѣяшьяся...»

.....

Царь со гнѣвомъ закричалъ :

«Пусть-ка только засмѣются —

«У меня какъ разъ свернушья :

«Всѣ ихъ царшья полоню?

«Весь ихъ родъ искореню!» —

— «Пусть не станутъ и смѣяшья,

«Все не можно намъ вѣнчашья.

«Не расшутъ зимой цвѣшы :

«Я — красавица, а шы?...

«Чѣмъ шы можешъ похвалишья?

(Говоришь ему дѣвица).

«Я хотъ шаръ, да я удалъ!

(Царь Царицѣ ошвѣчалъ)

«Какъ не множко приберуся, —

«Хопь кому шакъ покажуся

«Разудалымъ молодцомъ.

«Ну да чшо за пужда въ шомъ?

«Лишь бы шолько намъ женишься.» —

Говорить ему Царица :

«А шакая въ шомъ нужда,

«Чшо не вьйду пикогда

«За дурнаго, за съдаго,

«За беззубаго шакаго!»

Царь въ зашылкѣ почесалъ,

И нахмурясь отвѣчалъ :

«Чшо жъ мнѣ дѣлать-шо, Царица?

«Сстрахъ какъ хочешся женишься,

«Ты же, ровно на бѣду,

«Не пойду, да не пойду!» —

— «Не пойду я за съдаго ;

(Царь-Дѣвица молвишь снова),

«Сшань, какъ прежде, молодець,

«Я шощасъ же подъ вѣнецъ.»

— «Вспомни, мапушка-Царица,

«Вѣдь нельзя перемѣнишься ;

«Чудо Богъ одинъ творить . . . »

— Царь-Дѣвица говоришь :

«Коль себя не пожалѣешь ,

«Снова ты помолодѣешь.

«Слушай! завтра на зарѣ,

«На шпрокомъ на дворѣ ,

«Челядь долженъ ты заславить

«Три кошла большихъ пославишь ,

«И таганы ушвердишь.

«Первой надобно налить

«Изъ рѣки — водой студеной ,

«Да вшорой — водой вареной ,

«А послѣдній молокомъ ,

«Вскинѣши его ключемъ.

«Если хочешь ты женишься ,

«И красавцомъ учишься ,

«Долженъ ты однимъ прыжкомъ

«Обваришься молокомъ ;

«Тушь побыть въ водѣ вареной

«А потомъ еще въ студеной.

«И скажу тебѣ, опецъ ,

«Будешь знашой молодецъ!»

Царь не вымолвилъ ни слова,
Кликнулъ потчасъ Стремяннаго.

«Что? опяшь на Окіань?»

(Говоришь Царю Иванъ).

.....

.....

.....»

— «Нѣшь, Иванушка, не то.

«Завтра я хочу засшавишь

«На дворъ кошлы поставишь,

«И шаганы ушвердишь.

«Первой думаю налишь

«Изъ рѣки водой ешуденой,

«Да второй — водой вареной,

«А послѣдній молокомъ,

«Вскинѣши его ключемъ.

«Ты же долженъ посшарашься

«Пробы ради искупашься

«Въ эшихъ шрехъ большихъ кошлахъ :

«Въ молоко и въ двухъ водахъ.»

.....

Рѣчь Иванъ шущъ начинаешъ :

«Шпаряшъ шолько поросляшъ,

«Да индюшекъ, да цыпляшъ.

.....

.....

«Вошь въ холодной, — шакъ оно

«Искупашься бы можно;

«А подваривашъ какъ спанешъ

«Такъ меня и не заманишъ.

.....

.....»

Царь зашряши бородою —

«Чшо рядишься мнѣ съ шобою?

«(Закричалъ онъ), но смолри!

«Если ты въ разевѣшъ зари

«Не исполнишъ повѣленье:

«Я ошдамъ тебя въ мученье,

«И велю тебя шерзашъ,

«Въ мѣлки части разорвашъ.

«Вошъ ошсюда, болестъ злая!»

Тушъ Иванушка, рыдалъ,

Шопледоя на сѣноваль,

Гдѣ конскъ его лежалъ.

«Что, Иванушка, не весель?»

«Что головушку повесить?»

(Говоришь ему копейку.)

— «Охъ, бѣда мнѣ, горбунокъ!

(Нашъ Иванъ ему вѣщаетъ)

«Царь на утро заспавляешь

«Икупаешься мнѣ въ кошлахъ,

«Въ молоко и въ двухъ водахъ :

«Какъ въ одной водѣ студеной,

«А въ другой водѣ вареной,

«Молоко, слышь, кипяшокъ.»

Говоришь ему копейку :

«Вошь ужъ служба, шакъ ужъ служба!

«Тутъ нужна моя вся дружба.

«Слушай, завтра на зарѣ,

«Какъ ты будешь на дворѣ,

«И раздѣнешься, какъ должно,

«Ты скажи Царю : не можно ль,

«Ваша милость, приказать

«Горбунка ко мнѣ послать,

«Чтобъ въ послѣднн съ нимъ просишься?»

«Царь на это согласишся.

«Вошь какъ я хвостомъ махну,
«Въ штъ кошлы мордой макну
«На себя два раза прысну,
«Громкимъ посвистомъ присвистну,
«Ты, смотри же, не зѣвай,
«Въ молоко сперва вальдй,
«Тупъ въ кошель съ водой вареной,
«А опшудова въ ешуденой.
«А щечерича молись,
«Да спокойно спашь ложись.»

На другой день ушромъ рано
Разбудилъ конекъ Ивана.
«Эй, хозяинъ! полно спашь!
«Ужъ пора тебѣ вспавашь.»
Тупъ Ванюша почесался,
Попянулся и — поднялся,
Помолился на заборъ,
И пошелъ къ Царю во дворъ,

Тамъ кошлы уже кипѣли;
Подлѣ нихъ рядкомъ сидѣли

Кучера и повара
И служившели двора;
Дровъ порою прибавляли,
Объ Иванъ полковали
Вшихомолку межъ собой,
И смѣядися порой.

Вошь и двери ошворили;
Царь съ Царицей выходили,
Чтобъ съ високаго крыльца
Поємопрѣшь на удалца.
«Ну, Ванюша, раздѣвайся,
«И въ кошлахъ, брашъ, покупайся»
(Царь Ивану закричалъ.)
Тушь Иванъ одѣжку спялъ,
Ничего не ошвѣчал.
А Царица молодая,
Чтобъ не видѣшь нагошу,
Завернулася въ фашу.
Повара и поваренки
Ошошли, смѣясь, къ споронкѣ.
«Что же шы, Ванюша, спалъ?»

(Царь Ивану закричалъ)

«Исполняй-ка, брашъ, что должно.»

Говоришь Иванъ : «не можно ль,

«Ваша милость, приказашъ

«Горбунка ко мнѣ позвашъ :

«Я въ послѣдни бѣ съ нимъ просидѣся.»

Царь, не мѣдя, согласился,

И изволилъ приказашъ

Горбунка шопчасъ позвашъ.

Гушъ слуга конька приводишь,

И къ шоронкѣ самъ ошходишь.

Вошъ конекъ хвощомъ махнулъ,

Въ шѣ кошлы мордой макнулъ,

На Ивана дважды прыспулъ,

Громкимъ посвещомъ присвещнулъ

На конька Иванъ взглянулъ,

Въ молоко сперва пырнулъ,

Гушъ въ кошель съ водой вареной,

А ошшудова въ шшуденой, —

И такой шшалъ молодецъ,

Что хощъ шущъ же подъ вѣнецъ!

Вошъ опъ въ плашье нарядился,
Царь-Дѣвицѣ поклонился,
Осмошрѣлся, подбодрясь,
Съ важнымъ видомъ, будшо Князь.

«Эко диво!» (всѣ кричали)
«Мы и слыхомъ не слыхали,
«Чшобы лъзя похорошѣшь!»

Царь велѣлъ себя раздѣшь,
Два раза перекрестился, —
Бухъ въ кошель — и шамъ сварился!

Царь-Дѣвица шущъ вешасшь,
Знакъ къ молчанью подасшь,
Покрывало подшмасшь,
И къ прислужникамъ вѣщасшь:
«Царь велѣлъ вамъ долго жить!
«Я хочу Царницей бышь.
«Люба ль я вамъ? отвѣчайте!
«Если любя, шо признайте
«Володѣшемъ всего —

«И супруга моего!»

Тутъ Царица замолчала,

На Ивана показала.

«Люба! любя! (всѣ кричатъ)

«За себя хоть въ самой адъ!

«Твоего ради шалана

«Признаемъ Царя Ивана!»

Царь Царицу шутъ беретъ ,

Въ церковь Божию ведешь ,

И съ Царицею молодою

Онъ обходящъ вокругъ салою.

Пушки съ крѣпости палятъ ;

Въ трубы кованы трубятъ ;

Всѣ подвалы опворяютъ ,

Бочки съ фряжскимъ выспавляютъ ,

И, налившия, пародъ ,

Что ешь мочушки, дерешъ

«Здравствуй Царь нашъ со Царицей!

«Съ расцрєкрасной Царь-Дѣвицей!»

Во Дворцѣ же ширь горой!
Вина льюшся шамъ рѣкой!
За дубовыми сшолами
Пьюшъ бояре со Князьями:
Сердцу любо! Я шамъ былъ,
Медъ, вино и пиво шлъ;
По усамъ хошъ и бѣжало.
Въ рошъ ни капли ни пошало.

К о н е ц ъ.

